

Госпиталь в Сольвычегодске

(новые сведения)

Краевед Владимир НОГОВИЦЫН

Война длилась уже несколько месяцев, и поэтому в глубоком тылу срочно формировали госпитали. В Архангельске, Котласе, Сольвычегодске под них оборудовали лучшие здания. Тем самым создавали условия для скорейшего восстановления здоровья бойцов. Страна нуждалась в воинах.

...В старинном купеческом особняке, бывшем Пьяповском, просторном и с высокими потолками, было прохладно. И вообще — для того, чтобы приспособить его под лазарет, потребовалось некоторое переустройство. Помещения разделили тонкими перегородками. Позаботились об отоплении. Кирпич для печей шел зачастую старый — церковный.

15 августа 1941 года в Котлас по железной дороге прибыл санитарный состав с ранеными. Дальше их повезли парходом в Сольвычегодск. И этим, первым, и тем, что доставлялись сюда все военные годы, древний град казался райским местечком. Все в нем было непривычно мирным — и улицы, и дома, и деревья прямо под госпитальными окнами. О войне не хотелось думать. Но ныли по ночам раны, кошмаром вспоминались бои и отступления, гибель товарищей... А черный кругляш висевшего на стене радио, у которого по обыкновению всегда наблюдалось столпотворение, выдавал сводки с полей сражений. И чем мажорнее звучал голос диктора, тем отчетливее многие слушавшие понимали: там нелегко. И тем скорее хотелось им вернуться в строй.

Костяк медперсонала эвакогоспиталя № 2513 составляли бывшие работники санатория. Вначале было только десять врачей, да и то имевших небольшой практический стаж — не более четырех лет. Поэтому основная нагрузка выпала на военного хирурга Феоктиста Николаевича Кузнецова, прибывшего сюда с первой группой раненых. Постепенно формировался штат этого медучреждения — как из местных жителей, так из

приезжих. Так, в 1942—43 гг. должность начальника занял Владимир Васильевич Боровский, прибывший сюда из Киева, военкомом был новгородец Павел Федорович Хренов, медсестрой — Софья Павловна Ивченко из Сум, начальником медицинского отделения — Тамара Иосифовна Константинова из Ленинграда... У других же работников, как у Антонины Дмитриевны Субботиной, Зинаиды Егоровны Гребневой, Анастасии Павловны Кисляковой, Николая Дмитриевича Попова, имелась сольвычегодская прописка. Работали тут и жители поселка Харитоново, села Красноборск, близлежащих деревень. А первый начальник госпиталя Ольга Яковлевна Калинина до этого была главным врачом санатория. В медсестры, как правило, мобилизовывали прошедших курсы Красного Креста. Остальных же работников направлял сюда городской исполнительный комитет — в санитары, прачки, повара, подсобные рабочие. Дело находилось каждому, ведь госпиталь был немал: 300 раненых на излечении! Что называется, под завязку. Однако устным приказом санитарного отдела Архангельского военного округа еще добавили 60 человек. А в марте 1942 гота получен приказ развернуть тут «за счет уплотнения» уже 500 коек. Максимальное же число раненых доходило, как отмечалось в отчетах, до 429-ти человек. Под жилые корпуса приспособили и дом купца Пьянкова, и бывшие монастырские кельи, и здание общежития школы глухонемых, другие помещения. Но этого было явно не достаточно. К тому же, как говорилось в одной из докладных, «здания очень плохо приспособлены для госпитальной работы. Операционная одна».

Находившиеся в госпитале выздоравливали скорее, чем где-либо. Способствовали этому, как говорилось, «мощные лечебные факторы»: местные грязи, минеральная вода. На опыт сольвычегодцев обратили внимание и в областном центре. Теперь грязи, минеральную воду в большом количестве стали транспортировать и туда. Сольвычегодцы же, пожалуй, первыми на Севере стали использовать вместо ваты, которой катастрофически не хватало, мох, обладающий лечебными свойствами. Впрочем, испытывал госпиталь недостаток и в бинтах, лекарствах, витаминах. И опять прибегали к народным

средствам. Против авитаминозов, например, использовали хвойный экстракт. Короче, перебивались, как могли. А что еще оставалось делать?!

Но это большинству раненых было неизвестно. Как и то, как добывалось топливо для обогрева помещений. Сорок кубометров дров ежедневно — вынь да положь. На старых лошаденках, группами персонал выезжал в лес. Как по вечерам и ночами пилили кряжи, кололи здоровенные чурки. Надо! Как обслуживали динамомашину, которая обеспечивала электроэнергией лишь физиотерапевтический и рентгенологический кабинеты. Потому и чадили в палатах огоньки коптилок.

Студенты педагогического училища и школьники ближайшей округи взяли шефство над госпиталем. Готовили раненым подарки. И часто приходили и приезжали к ним с концертами. Ах, какие это концерты были! Польская девочка (из спецпереселенцев) Фелиция Таис (Конарска), ставшая журналисткой и литератором, через много лет трогательно вспоминала прозвучавшее там симоновское стихотворение «Жди меня». У некоторых раненых на глаза навернулись слезы.

Концерты устраивались в большом зале бывшей купеческой усадьбы. Едва ль не каждую неделю тут являлся училищный хор, которым руководил Василий Григорьевич Митин. Часто выступления начинались с песни «О смелых». «С бандой фашистов сразиться Сталин отважных зовет. Смелого пуля боится, Смелого штык не берет...» Ну а дальше — по обстановке. Зал сотрясался от одобрительного хохота, когда молодежь затягивала сатирические куплеты: «На пригорке травка сохнет, скоро Гитлер, бишь, подохнет. Не подохнет, так убьем, иль живого заберем». И припевочка странная раздавалась: «Да ир го-го»... Зоя Ивановна Баранова (Гусева) из Коряжмы вспоминала, как здорово аплодировали бойцы девушке-польке, тоже студентке педучилища, когда та заканчивала песню «У речного далекого брода». Вот это голос был! Другая солистка, также из харитоновских полек-спецпереселенок, мягко выводила слова песни «Синий платочек»...

Но «коньком» представления становилась все же интермедия. Коронный номер двух студентов-хохмачей, изображавших клоунов. «Здорово, Пин!—Здорово, Бом!»

Так и сыпали они остротами! И что-то там про 2001 год говорилось, мол, и в этом году «не сможешь умереть». А еще девчонки каждый раз приносили выздоравливающим подарки, обыкновенно — кисеты, расшитые всяк по-своему. Запомнились Зое Ивановне окна нараспашку в главном корпусе. И рассеявшиеся в палисаднике раненые. Мужчины пели. И как пели! Особенно «Песня про Галю» была хороша: «Ехали казаки со службы до дому...» Однако многие, вставшие на ноги в Сольвычегодском госпитале, отправлялись не домой, а на войну.

Курсанты Котласского военного аэросанного училища, базировавшегося в Коряжме, также были тут нередкими гостями, И первыми помощниками. Культурная программа для бывших бойцов включала в себя посещения краеведческого музея и музея Сталина. И без идеологических подначек это, безусловно, «срабатывало» на подъем патриотического духа наших воинов.

И при нехватке лекарств и перевязочных средств медики приложили немало усилий, чтобы вылечить поступающих к ним раненых. Но иногда они были не всесильны. На сольвычегодском кладбище — могилы скончавшихся в госпитале людей. Умерли красноармейцы Игнат Михайлович Августинович и Федор Григорьевич Мартынов (к пулевому ранению добавилось еще и сопутствующее заболевание — туберкулез), сержант Андрей Андреевич Шагин (от язвы желудка), Иосиф Тихонович Сенников (последствия ранения). А Николай Иванович Базаев, сержант, 1922 г. р., скончался 21 мая 1944 года с диагнозом «отравление ядом грибов». Такая им досталась доля. Кстати, среди похороненных и два курсанта аэросанного училища. Уроженец деревни Кожмадор Усть-Куломского района Коми АССР Егор Иванович Карманов, как указано, «кр-ц КВУ 4 батал. 12 роты», скончался в госпитальной палате 8 декабря 1942 года, 22-х лет от роду. Рязанец Павел Михайлович Игнатов, 1908 г. р., почил 17 октября того же года — «истощение в форме отечности». Погибнуть в бою, героически погибнуть, им так и не довелось.

Созданный как базовое медучреждение Карельского фронта, Сольвычегодский эвакогоспиталь № 2113 при-

нимал раненых практически со всех фронтов Великой Отечественной. И прекратил свою деятельность 1 апреля 1945 года, а уже 28 мая передан в распоряжение городского санатория.